

Ольга Громыко

Книги Ольги Громыко,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Тетралогия
«Профессия: ведьма»

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТОВ КАМАЛЕЙНИКА
БЕЛОРСКИЕ ХРОНИКИ
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА
КОСМОЭКОЛУХИ
КОСМОПСИХОЛУХИ
(в двух томах)
КОСМОТЕХНОЛУХИ
(в двух томах)
КОСМОЛУХИ: ДО, МЕЖДУ, ПОСЛЕ
КОСМОЛУХИ: РЯДОМ
(в двух томах)

КРЫСЯВКИ
Крысиное житие в байках и картинках

В соавторстве с Андреем Улановым
ПЛЮС НА МИНУС
КОСМОБИОЛУХИ

Ольга Громыко

Белорские Хроники

Москва, 2018
ЕАРМАЛА
&
«Издательство А.ПЬОА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Художник
О. Бабкин

Громыко О.

Г87 Белорские хроники / Худож. О. Бабкин. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 410 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0121-5

Широка земля Белорская, и во все времена есть в ней место подвигу! Или хотя бы веселой байке. Стоит ли доверять гороскопам? Так ли безобидны младенцы? Продается ли удача? На что ловят некромантов? Как избавиться от конкурента? Что сильнее: магия, вера или дубовый дрын? Где водятся кентавры? Чего боятся боевые маги? Всевидящи ли пифии?

Хотите получить ответ на эти вопросы, а также встретиться со старыми друзьями и познакомиться с новыми? Тогда эта книга для вас!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ольга Громыко, 2008
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

ISBN 978-5-9922-0121-5

ГОРОСКОПЧИК

— Спит он,— в шестой раз повторил помощник астролога, здоровенный детина, способный безо всякой булавы вышибить из назойливого посетителя звезды средь бела дня. Вежливость, к которой вынуждало благородное происхождение (а пуще того — двуручный меч) гостя, заставляла детину поминутно чесаться, вздыхать и переминаясь на месте, чтобы хоть как-то занять мышцы.

— Как — спит?! Мы же уговорились! С восходом солнца!

— Дык...— Помощник зевнул, распахнув рот до самого желудка. Рыцарский конь испуганно топнул копытом.— Умаялся. Всю ноченьку на звезды взирал, дабы не пропустить ни одного движения... ик!.. небесных тел.

Гость перевел взгляд на черный вход, из которого как раз выпархивало одно из оных: краснощекое, растрепанное, на ходу пытающееся поглубже упихать в корсаж пышные груди.

— Я же ему авансом заплатил!

По опухшей роже помощника было видно, что денежки клиента потрачены с толком.

— А гороскоп, гороскоп-то он составил?!

— Да вроде валялось чевой-то,— сжалилась над рыцарем бабулька-служанка, неспешно шуршавшая веничком как по полу, так и по гостевым креслам.— Вона на столе с краешку...

— Подай сюда! — требовательно протянул руку гость.

Помощник вздохнул, но перечить благородному господину не посмел. Шаркая ногами по только что сметенной в кучку пыли, детина доплелся до стола и так же неспешно вернулся обратно.

Рыцарь нетерпеливо выхватил у него пергамент, сорвал и бросил на землю золоченую ленточку. Да, оно! В верхнем

правом углу крупно выведено: «для господина Мельрика», и дальше — добрых три локтя убористого текста. «Гы... го-ро...скоп, составлен... си... седьмого дня месяца ве... ви...»... а, чтоб тебя! Конь переступил на месте, и забрало с лязганьем защелкнулось. Да и вообще, не рыцарское это дело — чтение! К тому же на улице, в седле и второпях.

— Читай,— надменно велел Мельрик, сунув пергамент помощнику, уже наострившемуся захлопнуть дверь.

— Но, господин...

— За те деньги, что я вам, прохвостам, заплатил,— рывкнул рыцарь,— вы мне поэму должны были сложить и под лютию с дудкой исполнить, а не корябать на гнилом обрывке кожи, как хромая курица лапой! (Тут Мельрик погорячился — пергамент был дорогой, шакарский, с вензелями по углам.)

Детина вжал голову в плечи, поспешно развернул свиток, взгляделся и начал нараспев, только что не в упомянутых стихах, читать:

— «Солнце в вашей астральной карте находится в знаке Писца, что указывает на предусмотрительность, ответственность и эмоциональную бесстрастность... В момент вашего рождения Волчий Глаз находился в самой низкой точке над горизонтом, как бы переходя от спуска к подъему, что дает большую вероятность развития мании величия или как минимум склонность к самообману и безудержное стремление к роскоши, но если к вам придет осознание необходимости служения человечеству в соответствии с небесными законами...»

Минут пять Мельрик напряженно слушал, потом сообразил, что до конца еще далеко, а глаза уже съезжаются к носу.

— О себе я и сам все знаю,— прервал он чтеца.— Ты давай сразу скажи: благоприятный ли сегодня день для совершения подвига?

— Благоприятный,— изучив пергамент, заявил помощник.— Особенно с девяти утра и до трех пополудни, ибо в это время звезды сложатся в исключительно полезный знак...

Рыцарь облегченно выдохнул и до скрипа стиснул кулаки в латных перчатках. Детина вздрогнул и поспешно добавил:

— Но ваши начинания увенчаются успехом, только если вашими помыслами будут править любовь и вера в чудеса!

Мельрик презрительно фыркнул: любовь с верой и так никогда его не покидали, о чем гласил выбитый на щите девиз. Рыцарь бросил на землю мелкую монетку, развернул коня и, забыв забрать свиток, помчался к городским воротам.

Детина осуждающе покачал головой, поднял серебришку и захлопнул дверь.

* * *

Лучше бы, конечно, звезды обождали со своими знаками до вечера: солнце припекало все сильнее, а утомлять коня до поединка не хотелось, так что плестись по пыльной дороге предстояло еще часа два.

На опушке леса, с другой стороны которого находилось село, рыцарь спешил и обмотал конские копыта тряпками, а шлем взял под мышку, прижав клацающее забрало локтем. О нет, у него и в мыслях не было подкрасться к спящему дракону, дабы предательски пронзить его копьем! Мельрик скорее бросился бы на собственный меч, чем так запятнать рыцарскую честь.

Зато проклятый ящер вел себя исключительно подло, то бишь не воровал овец, а платил за них полновесными кладнями, причем выше рыночной цены. Поэтому драконья проблема усугублялась местным несознательным населением, которое уже отколошматило дубьем троих претендентов на подвиг.

Остановившись подле высокого холма, рыцарь наскоро привел себя и коня в порядок, влез в седло, положил меч поперек коленей, поднял фамильный рог и, мысленно помолвившись богам и звездам, поднес его к губам.

Звук вышел высокий и писклявый: не то рог с годами отсырел, не то дудеть надо было умеючи.

Впрочем, это было уже неважно. Из пещеры ртутной струйкой выскользнул темно-медный в золотую жилку дракон. Не очень крупный, но это смотря с чем сравнивать. Если с рыцарем — то очень даже.

— Это ты — мерзкая кровожадная тварь, держащая в страхе всю округу? — высокомерно поинтересовался Мельрик, как велел рыцарский обычай.

— Нет, я прекрасная непорочная дева,— ехидно отозвался дракон, с удовольствием потягиваясь и разминая крылья.— Зачарованная злым колдуном.

Из пещеры донеслось сдавленное хихиканье.

— Ну, дерзай, мой рыцарь! — кокетливо добавил ящер, пригибая голову к земле и нетерпеливо виляя хвостом, как пес в ожидании подачки.— Я вся твоя.

Мельрик был человеком прямолинейным, о чувстве юмора имел весьма смутное представление, а гулкий шлем искажал интонацию собеседника до неузнаваемости. А уж в свете гороскопа...

Рыцарь спешил, церемонно опустил перед драконом на колено, взял чешуйчатое рыло в ладони, зажмурился и благоговейно поцеловал прямо в губы.

Глаза ящера полезли на лоб. Дракон шарахнулся, сел на собственный хвост и суматошно заскреб лапами, отползая от извращенца. Упершись в холм, ящер вздрогнул, оглянулся и наконец вспомнил, что умеет летать. Развернув крылья и подпрыгнув, он без оглядки помчался прочь, отплевываясь черным пламенем.

Из пещеры с опаской выглянула дева. Уже не шибко непорочная, но все еще вполне прекрасная. Она изумленно сощурилась на тающее в дали небес пятнышко, и ее искусно наруганное-набеленное в нужных местах личико исказилось от злости.

— Прохиндей! Жулик! Ящерица криволапая! Чтоб тебе повылазило, нет, поотпадало! А... хм?

Мельрик продолжал стоять на коленях, с закрытыми глазами и вытянутыми вперед руками, ожидая результата.

Дева пригляделась, профессионально оценила стоимость меча и породистого коня, а также фамильный герб на его чепраке. Задумчиво покусала губу, потом погрозила небу кулаком, решительно подошла к рыцарю и постучала по его шлему костяшками пальцев.

— О, благородный незнакомец! Вы спасли меня от этой своло... ужасной участи. Как мне вас отблагодарить?

Мельрик с надеждой открыл один глаз, потом другой и просиял. Рассыпавшись в комплиментах, он подсадил даму в седло и, чуть не лопааясь от гордости, направил коня к городу.

Прекрасная дева держала рыцаря за талию (пару раз украдкой «соскользнув» рукой и пощупав пониже) и прикидывала, как обставить первую брачную ночь с наименьшим скандалом.

* * *

Астролог вспомнил о Мельрике уже поздним вечером, когда обнаружил упавший со стола и закатившийся под кресло свиток с гороскопом.

— Эй! — изумленно окликнул он помощника.— А этот, как его, чернявый такой... господин Мельрик... разве не заходил? Вчера ж заплатил за срочность втридорога.

— Заходил,— хмыкнул тот.— С утраца, вы еще почивать изволили.

— Чего ж ты ему свиток не отдал?

— Дык я... того...— Дитина потупился. На трезвую голову утренняя шутка уже не казалась ему такой забавной.— На словах все обсказал.

— И каким же образом, дурень? — охнул астролог.— Ты ж читать не умеешь!

— А чаво там читать,— пожал плечами помощник.— Что я, мало вас за эти пять лет наслушался? Наплел ему про положения всяческие, про Писца с небесными домами...

Хозяин от души отвесил ему затрещину.

— Да ты вообще соображаешь, олух, что наделал?! Судя по звездам, этому Мельрику сегодня вообще из дома выходить не следовало! А он к дракону собирался, чуешь — к дра-ко-ну! Тому самому, что дураков покалечил больше, чем у тебя, образины, пальцев! Лишил нас такого выгодного клиента, дубина! Ну дура-а-ак...

Помощник покаянно сопел.

Звезды ехидно подмигивали с небосвода.

КАПКАН ДЛЯ НЕКРОМАНТА

Луна так причудливо вытянула и изломала скользящую по земле тень, что даже дракон пустился бы наутек, не дожидаясь, когда из-за угла покажется отбрасывающее ее чудовище.

Рыжая псина, дремлющая частично под крыльцом (хвост — вещь нежная, надо его беречь), а частично снаружи (свежий воздух, к тому же вдруг есть позовут?), приподняла голову, принюхалась, зевнула и деловито сдала задом, прячась целиком. Не то чтобы она кого-то боялась, а так, на всякий случай. И вообще, разве порядочная собака не может просто замерзнуть?

У задней стены дома, полускрытая кустами орешника, стояла лестница. Но четырьмя когтистым лапам удобнее взбираться прямо по бревнам.

Распахнутое окно второго этажа чуть слышно поскрипывало ставнями. Тонкие занавески выбились из-за подоконника и плескались на ветру, как застрявшее в проеме привидение, а в стоящей под окном кровати по всем канонам жанра полагалось безмятежно почивать среди подушек и розовых лепестков прелестной златокудрой девице в кружевной рубашке до пят.

Подушки были. Розы — тоже, дюжины полторы, небрежно засунутые в щербатый кувшин с водой, слишком для них короткий. Рубашка висела на спинке стула, подменяя кружева дырами, рядом полулежали сапоги, а в кровати дрых, то есть почивал, укрывшись углом простыни, худой черноволосый мужчина.

Тень втянулась в окошко вслед за хозяйкой, карающим мечом пала на спящего и начала расползаться по нему с самыми гнусными намерениями. Шевелящиеся от нетерпения

когти уже почти коснулись смуглой кожи, как вдруг мужчина сладко потянулся, окончательно сбивая простыню, и, неожиданно обхватив меня за шею, смачно впился губами в оскаленную морду.

— Ну наконец-то! Мне уже становилось холодно и одиноко в этой огромной постели...

— Эй, ты чего?! — Я ошалело попятилась, фыркая и мотая головой. — Дай я хоть ипостась сменю!

— Зачем? Так даже оригинальнее.

— Извращенец! — Я все-таки вырвалась, скатилась на пол и сердито встряхнулась. — Все белье в шерсти будет... Ты когда приехал?

— Сегодня вечером. — Верес заложил руки за голову, дразня меня нарочито алчным взглядом — как будто не только раздевающим, но и ошипывающим.

— И где полночи шлялся?

— Изменял тебе с другой нежитью, разумеется.

Я невежливо показала хвост его довольной ухмылке. До сих пор не люблю при нем превращаться, но уже по другой причине: перетекающая в лицо морда имеет обыкновение производить на зрителей такое сильное впечатление, что самой иногда в кошмарах снится. Со спины еще терпимо.

— Ну погоди, вот сейчас дух переведу и кинусь тебя душисть из ревности... — Теперь и голос звучал чище, и усилий для разговора приходилось прилагать меньше. А чтобы Верес не посчитал меня обманщицей, я действительно вскочила на кровать и с боевым кличем нацелилась на его горло.

Несколько минут мы со сдавленным рычанием и хохотом катались по постели, потом замерли в обнимку, целуясь уже по-настоящему. Наконец я со счастливым вздохом спрятала лицо у него на груди. Боги, как же я соскучилась! Так бы вечно и лежала, вдыхая знакомый запах и прячась в нем от окружающего мира... Не хотелось ни о чем спрашивать, ничего рассказывать — просто наслаждаться безмятежным покоем.

Верес к решительным действиям тоже не переходил, да и вообще, похоже, начал задремывать, заполучив такую уютную грелку в моем лице и прочем теле.

— Эй, а кто только что грозился надругаться над бедной нежитью?! — возмутилась я, приподнимаясь на локте. Мне самой дико хотелось спать, но поддразнить мужчину — еще сильнее.

— Давай утром, а? — чуть виновато предложил Верес, подбирая простыню и натягивая ее до самых подмышек. — Я только что с кладбища вернулся.

Я легонько куснула его за ухо.

— Надо же, а с виду как живой!

— Только с виду. Видишь ли, меня поставили перед жестоким выбором: либо я резво бегаю и много колдую, либо наслаждаюсь вечным покоем в одной из могил. Вот я и подумал, что отдохнуть еще успею.

— Ты же некромант, — ехидно заметила я. — Ты должен уметь поднимать все!

Конец фразы смазался зевком, и колдун, усмехнувшись, провел ладонью по моим распущенным волосам, мягко заметив:

— Шел, ты дурачишься.

— Угу, — согласилась я, снова утыкаясь носом ему в шею. Потом легонько тронула ее губами и почувствовала, как крепче сжалась обхватывающая меня рука. Не сказать чтобы удобно, зато приятно. Ладно уж, пусть держит, во сне все равно отодвинемся и уляжемся поудобнее...

* * *

Утро началось со стонов и ругани — ни колдун руку не убрал, ни я не откатилась. В итоге рабочая некромантская конечность затекла до полной потери чувствительности, а у меня, напротив, так ныла шея, словно по ней стукнули поленом.

— Ночь любви, чтоб ее!.. — сердито шипела я, пытаюсь одновременно удерживаться от мата и смеха. — Не разогнуться...

— Значит, удалась! — глубокомысленно заметил Верес, но тут рука очнулась и ему стало не до сарказма.

Я потянулась за висящим под «кружевной» рубашкой халатом, но меня бесцеремонно опрокинули обратно на кровать, предложив «давай поцелую в мордочку, и все пройдет»,

действительно поцеловали, я замурлыкала, и как-то незаметно выяснилось, что рука у Вереса тоже прошла, да и вообще он прекрасно себя чувствует... даже очень прекрасно... можно даже сказать, изумительно... ох!..

— Ой, а чем тут у нас мама с папой занимаются? — вкрадчиво поинтересовались от двери.

Мы смутились и заниматься прекратили. На пороге, кокетливо отставив голую ножку (да и верх в полупрозрачном халатике на одной завязочке считался лишь условно прикрытым), стояла дриада, умудряясь казаться соблазнительной даже с восьмимесячным ребенком на руках. Ревновать я, конечно, не стала, но оценила.

— Доброе утро! — жизнерадостно констатировала Ларрина, сгружая на кровать запыхтевшего от восторга карапуза. Разумеется, первым делом Ройм пополз к давно не виденному папаше, сияя улыбкой во все двадцать зубов — пока что единственное его отличие от человеческого детеныша. Я невольно залюбовалась сынишкой: черноволосый, синеглазый, ничуть не похожий на моего первенца... и хвала богам! Он — это только он, и не надо нам лишних сравнений и воспоминаний.

— Ох, ну ты и здоровенный стал! — Верес поднял малыша на вытянутых руках, покачал из стороны в сторону, и тот завизжал от восторга.

— Ты ж его всего две недели не видел, — ревниво напомнила я.

— Вот, целых две недели!

Враки это, что дети уже через несколько дней забывают уехавшего человека. Или Верес просто каждый раз нравился Ройму заново?

Я встала и осмотрелась, но кроме роз (уже подвядших), одежды на стуле и сумки с узорчатой бляхой под ним, ничего нового в комнате не заметила.

— Это что, все твои вещи?

— Остальное в Школе, мне выделили комнату в крыле для наставников.— Колдун шелкнул пальцами, и цветы снова подняли головки.— Ксандр попросил меня прочитать курс

лекций по практической магии. Кстати, он и тебя приглашал.

— В качестве наглядного пособия? — съехидничала я.

— Да вроде нет,— почесав кончик носа, серьезно ответил Верес.— Кажется, у него к тебе какое-то дело.

Я заинтересованно оглянулась.

— А именно?

— Не знаю, он спешил на экзамен, и мы обменялись всего парой слов. Увижу — спрошу.

— И когда ты приступаешь?

— С завтрашнего дня.

Я подавила разочарованный вздох. Ну вот, а я-то размечталась...

— Это только до обеда,— поспешил добавить колдун.—

Ну и парочка ночных практикумов.

— Да ладно, не оправдывайся. Но сегодня ты у меня?

— Если не выгонишь,— улыбнулся Верес с самоуверенностью таракана, от которого можно избавиться только вместе с домом.

— Тогда посиди с ребенком, пока я на рынок схожу,— обрадовалась я, распахивая шкаф.— А то Ларрина грозилась куда-то с утра убежать, а у меня в кладовой пусто.

— Не убежать, а отправиться на секретное и очень важное задание по поручению Правительницы Ясневого Града,— внушительно поправила дриада.

Когда «государственные дела» заносили Ларрину в Стармин, она жила у меня, открыто заявляя, что ей жалко тратиться на постоянный двор. Я так же бессовестно припрягала ее к домашнему хозяйству, и все были счастливы.

— Это оно вон там, у забора, пугало изображает?

Душное летнее утро уже слизало с травы росу, взамен вытопив ее из багровой лысины мнущегося перед калиткой человека. Мужу было под сорок, роскошный камзол трещал на круглом брюшке, под мышкой торчали украшенные бантиками розы. Я с тайным злорадством отметила, что мои лучше.

Дриада по пояс высунулась из окна и послала «заданию» воздушный поцелуй.

— Все, Шелль, мне пора! — заторопилась она, выпархивая из комнаты.

Развалившийся на постели колдун умиротворенно наблюдал, как я одеваюсь. Ройм сосредоточенно пытался сорвать у него с пальца одно из колец. Я знала, что простых украшений Верес не носит, но раз он так спокойно позволял сыну играть с амулетами, легко взрывающихся среди них не было.

— Через полчаса покормишь его, ладно?

— Угу.— Над чародейской ладонью затрепыхала крылышками иллюзорная бабочка. Ройм изумленно приоткрыл рот и попытался ухватить ее обеими ручонками.

— И молока дашь.

— Угу.

— Подогретого, а не прямо из кринки!

— Угу.

— И смотри, чтобы он к лестнице не подползал!

— Угу.

— И вообще глаз с него не спускай!

— Угу.

— Эй, ты меня хоть слушаешь?

— А?..— Бабочка рассыпалась искрящимся облачком.— Иди-иди, все будет нормально.

Я с сомнением покачала головой. По мнению Вереса, он прекрасно управлялся с младенцем, по-моему — до сих пор ему поразительно везло. К тому же я подозревала, что возвращаемое мне чадо отсутствием синяков было обязано не бдительному присмотру, а целительским способностям папочки.

Тем не менее из дома я вылетела как на крыльях, еле удержавшись, чтобы не скакнуть через все семь ступенек крыльца. Помахала рукой соседкиному заду, приветливо торчащему из грядки с морковью (как я успела убедиться, глаза на нем были, да еще какие!). Тетка выпрямилась, потерла поясницу и кисло поздоровалась. Похоже, я была нешуточным бельмом на ее глазу: незамужняя, с ребенком, но при этом привлекательная, независимая, да еще и архимага в «сердечные друзья» умудрилась отхватить! Конечно, соседке было

далеко до бабки Шалиски: та сплетничала исключительно бескорыстно, из любви к искусству, — но класть ей палец в рот я бы не рискнула. Ко мне и то безопаснее.

Рыжая нагнала меня уже у калитки и первой выскочила на улицу, не дожидаясь, пока я откину крюк. Здоровенная собака, внезапно взвизывающаяся над глухим забором и с гулким «Баммм!» приземляющаяся на дощатую мостовую, случайным прохожим почему-то не нравилась, что стоило мне уже дюжины кладней — это не считая настойки пустырника, которая прилагалась к каждой монете. Сутки напролет держать псину на цепи мне было жалко, и я тешила себя надеждой, что с возрастом собака остепенится. «Или станет еще крупнее, — мрачно подумала я, — и тогда впечатлительных бедолаг придется не отпаивать, а тишком стаскивать на задний двор и закапывать возле уборной, чтобы запах перебивало».

— Рыжая!

Псина на бегу вильнула хвостом, показывая, что приняла мою критику к сведению. Более оригинальные клички к ней не липли, хотя мы перебрали несколько дюжин. Дольше всего продержалась предложенная Вересом Гшыха, пока знакомый тролль, ухмыляясь от уха до уха, не объяснил мне, что означает это слово, и собака снова стала просто Рыжей.

За первым же поворотом деревянная мостовая сменилась каменной. Солнце еще не успело скатать расстеленные возле домов тени, и от булыжников приятно веяло холодком. Я долго не хотела перебираться в Стармин, но Верес был прав: после войны в мелких городках, а особенно деревеньках на отшибе, было неспокойно. Ладно еще мародеры или прячущиеся от Ковена колдуны-ренегаты, но загрызней до сих пор никак не могли переловить — слухи о них приходили то с севера, то с юга. Да такие, что хотелось не только запереться в погребе, но и закопаться там в бочке с квашеной капустой. Команды боевых магов по пять-шесть человек постоянно прочесывали леса, однако твари были хитры и на ловцов бежать не желали. Зато терпеливо выжидали, пока кто-нибудь из охотников потеряет бдительность... и не напрасно. Порой я не видела Вереса по месяцу и начинала не на шутку беспокоиться — в чем, разумеется, никогда не признавалась.

В самом начале, когда я только-только закончила выметать мусор из углов, колдун как бы между прочим спросил, сколько мне нужно на прожить. Естественно, я тут же ощерилась и гордо заявила, что это его не касается. Мужчина философски пожал плечами и спрятал кошель, даже не пытаясь спорить, что несколько меня озадачило и даже обидело. Все-таки он отец Ройма, хоть я и упрямо твердила, что это было только мое решение и колдун нам ничем не обязан...

Разгадка наступила через три дня, когда Верес уже уехал из города: по утрам у нашей двери стали появляться то головка сыра, бережно завернутая в полотенце, то кольцо колбасы или корзина яблок. Оказывается, подлый колдун тишком работал в округе, беря плату натурой и уговариваясь с хозяевами, куда ее принести.

Так оно и повелось. Я смущенно ворчала, Верес же только хмылялся, ибо к его приездам добро бывало уже съедено или хотя бы надкусано и для демонстративного возвращения не годилось.

В общем, все было так прекрасно, что я начинала уже тревожиться: чем мне придется рассчитываться с судьбой за столь щедрый кредит?..

За раздумьями и воспоминаниями я как-то незаметно дошла до центра города, откуда уже видны были шпили Школы Чародеев. До рынка оставалось рукой подать, мимо безымянной корчмы и в горку. По утрам этой дорогой мало кто пользовался, уж больно крутой подъем, зато в обед тут было не протолкнуться от возвращающегося с торжища народа.

Корчма, отстроенная и открывшаяся всего месяц назад, еще не работала. На приставленной к стене лестнице опасно колыхался Безник — худой, лысоватый и добродушный дядька, — собственноручно подновляя вывеску над входом в свое заведение. Завсегдатаи, давясь от хохота, с удовольствием рассказывали эту печальную историю всем желающим.

У корчмаря, на его беду, имелся художественный вкус, и ни один из местных стеномазов ему не угодил. Тогда Безник решил намалевать «лицо корчмы» сам. Результат получился ошеломляющий: на нежно-коричневом пригорке сидели три мужика, страдающих хроническим косоглазием вкупе с жес-

токим похмельем, между которыми вырастал из земли не то зеленый змей, не то развесистая конопля. Пройти мимо корчмы, не осенив себя крестным знамением, удавалось разве что некромантам, выдавшим и не такое (хоть и нечасто). Впрочем, злорадное хихиканье конкурентов быстро сменилось черной завистью — народ валом повалил в корчму, интересуясь, что же здесь подают, если даже вывеску так развезло.

Уже завязав с корчмарем приятельские отношения, я осторожно выяснила, что на рисунке изображены боги за сотворением хмеля. Оставалось надеяться, что «натуршики» никогда сюда не заглянут — пиво в корчме было вкусное, и лишаться ее по вине молнии или потопа не хотелось.

— Ах ты зара... о, спасибо! — Безник облегченно выдохнул и принял у меня из рук упавшее ведро. Проходи мимо кто-нибудь менее проворный — и косоглазых типов стало бы на одного больше.

Я собиралась добродушно отмахнуться «не за что!», однако глотнула горячего летнего воздуха и передумала.

— А пена на этом «спасибе» будет?

— Непременно, — заверил корчмарь, возвращаясь к вдохновенной мазне. — Заходи на обратном пути, налью с верхом.

— Название еще не придумали? — сочувственно поинтересовалась я, глядя на оставленную для рун полосу.

Безник удрученно помотал головой и снова упустил ведро.

— Может, что-нибудь возвышенное? Вроде «Хмельных куш»? — предположил он, убедившись, что я и на этот раз не сплеховала. — Нет? Хм, мне тоже как-то не очень... А, ладно, само со временем придет!

Я тактично умолчала, что среди посетителей корчмы уже давным-давно ходят целых пять названий, но Безнику они вряд ли понравятся. Самым благозвучным из них было «Три придурка».

Вернув ведро, я попрощалась и пошла дальше. Рыжая носилась вокруг, как арбалетная стрела с пружиной вместо древка, тычась носом во все углы и щели. Зато возле рыночных ворот она прижала уши и словно прилипла к моей ноге. У входа был привязан здоровенный племенной бык, прово-

жающий всех тяжелым нехорошим взглядом. Хозяин животного, надвинув на нос плетеную шляпу, дремал в тени под стеной, предоставив скотокрадам, ежели таковые дураки найдутся, выпутываться самостоятельно.

Не удержавшись, я первым делом отправилась к ряду травников и около часа упоенно копалась в «волчьем сене», как шутил Верес. Сам колдун предпочитал покупать готовые снадобья, а если и варил что-нибудь редкое, то с книгой в руке, поминутно обжигаясь, что-нибудь просыпая и чередуя заклинания с троллей руганью. Поскольку пользовался он смешанными, магически-травяными эликсирами, я мало чем могла ему помочь — только поехидничать. Но зубной лекарь, у которого я сейчас работала, наверняка обрадуется вот этому чудному корешку асперы лесной... и свеженькой мандрагоре, наша как раз кончилась... Платил лекарь хорошо, отношения у нас были дружеские, а лишний раз побродить по травяному развалу я никогда не отказывалась.

Наконец я спохватилась, что эдак на обед у нас будут одни зелья, и заставила себя перейти в овощной ряд. Рыжая ожилилась: в валяющейся под прилавками гнили водилась уйма крыс. Охотиться на них, с лаем распахивая отбросы, злая хозяйка почему-то запрещала, но принюхиваться, как можно глубже засунув нос в щель, тоже было интересно!

Я приценивалась к ранней морковке, продающейся не на вес, а пучками по дюжине штук, когда заметила троих неспешно идущих вдоль ряда магов. Цепкие взгляды скользили поверх товаров, по лицам продавцов и покупателей.

Мне стало не по себе. Конечно, на глаз распознать оборотня невозможно, к тому же у меня в кармане лежала заверенная Ксандром грамота, что «подательница сего является почетным жителем Стармина и неприкосновенным лицом/мордой в обеих ипостасях», но побороть старинную неприязнь, не сказать покрепче, к магам-практикам не удавалось.

Потом я узнала в одном из них Катиссу Лабскую и немного успокоилась. Высокая, худая, по-мужски одетая и стриженная магичка знала, кто я. Что она по этому поводу думает, я понятия не имела, но Верес и Ксандр ей вроде бы доверяли.

— Рыщут и рыщут,— недовольно пробормотала торговка, ловко скручивая очередной пучок,— всех покупателей распугали...

— А что случилось?

— Да, говорят, некроманта какого-то ловят,— поморщилась та.— Из этих, репа-гадов...

— Ренегатов?

— Ага,— подтвердила тетка,— которые войну затеяли да проиграли. А один, подлюка, своим прикинулся, даже в магову дружину пошел, загрызнев ловить. Три раза в чащобу сходить успел, покуда ихний Ковен не спохватился: че-то маловато их оттудова возвращается, все один да один везунчик... Вот и ищут его уже вторую неделю, а сегодня ночью вроде как в городе видели. Ну что, будешь покупать? Возьмешь два пучка — уступлю за пять менок!

У меня снова засосало под ложечкой. Верес ушел в очередной поход как раз две недели назад... вернулся этой ночью, тайно, с полупустой сумкой... пару раз за минувший год он терял всю команду и рассказывать об этом очень не любил... а с него станется солгать, чтобы я не волновалась! Нет, представить Вереса замешанным в чем-либо подобном я не могла, но давно разочаровалась в справедливости Ковена — не найдет виновного, так назначит.

— Шелена!

Вот зараза, а я-то уже почти поверила, что они пройдут мимо.

— Ты, случаем, не знаешь, где Верес? — Магичка рассеянно взяла с прилавка морковку, надкусила и захрупала. Тетка недовольно засопела, но промолчала.

— Ну... э... а что?

— С вечера его ищу, поговорить надо.— Лицо у Катиссы было мрачное донельзя, словно зажатый у нее в руке овощ чем-то напоминал магичке ее злейшего врага.

— Зачем? — Я попятилась. Рыжая, почуяв мое настроение, сердито зарычала на магичку. Та, перестав жевать, непонимающе уставилась на нас обеих.

— Да Ксандр нам завтра лекции друг за другом поставил, так я хотела поменяться — пусть бы он первую отчитал, а?

Боюсь проспать, у меня этой ночью шабаш с шашлыками намечается.

— А-а...— Я с нервным смешком вытащила из распотрошенного Катиссой пучка еще одну морковку, магичка взяла третью. От побагровевшей торговки донеслось нечто вроде сдавленного кваканья — видимо, это подала голос душившая ее жаба.— Хорошо, я ему передам. Думаю, он не будет возражать.— Колдун, ложившийся, как и я, далеко за полночь, вставал намного раньше, предпочитая подремать после обеда. Для мага-практика это самое спокойное время суток.

— Вы мне просто жизнь спасли! — обрадовалась магичка.— Буду должна. Да, и скажи ему, чтобы был настороже: по Стармину бродит Римар Заболотный.

— А кто это?

— Да так,— Катисса хмуро сплюнула морковный хвостик,— один неприятный тип. Верес знает.

Магичка прощально кивнула и пошла догонять коллег. Я переложила корзину в другую руку и душевно перекрестилась. К богам я относилась скептически, но, как ни странно, заученный с детства жест обладал успокоительной силой.

Морковку пришлось купить, иначе остаток пучка оказался бы у меня отнюдь не в корзинке. Тетка с презрительным фырканьем сыпала медяки в карман: знакомцы магов, да еще таких прозорливых, не вызывали у нее симпатии.

Настроение у меня все-таки подпортилось, и я, быстренько пробежавшись по остальным рядам, заторопилась домой — убедиться, что там все в порядке.

* * *

Верес с блеском выполнил поставленную перед ним задачу, подойдя к делу творчески. Посреди комнаты была начерчена и утыкана горящими свечами пентаграмма, в центре которой восседало на горшке наше ненаглядное дитяtko, мусоля какой-то амулет. В доме, несмотря на открытые повсюду окна, воняло горелой кашей. Сам колдун сидел за столом, обложившись вытряхнутыми из сумки книгами, и упоенно что-то строчил в свитке, еле успевая обмакивать перо в чернильницу.

При виде меня оба вострепнулись и заулыбались. Я выразительно потянула носом, и Верес, смутившись, начал оправдываться, что-де «экспериментальный образец» он сам съел, а второй вышел удачнее — по крайней мере, с виду.

— А это что такое?! — Я подошла к ребенку, но не успела нагнуться, как меня жახнуло по груди невидимой подушкой, отшвырнув назад.

Ройм заливисто захохотал и запрыгал на горшке, брэнча им по полу.

— Ах да... — Верес наклонился и, послунив палец, затушил ближайшую свечу. Остальные в тот же миг погасли сами, а линии, на первый взгляд начерченные мелом, начали медленно таять.

Ошалело помотав головой, я зарычала, недвусмысленно намекая колдуну, что подобное объяснение меня не устраивает.

— Это всего лишь защитный контур от нежити, — поспешил оправдаться Верес. — Ты же сама просила приглядеть, чтобы он никуда не лез!

— Приглядеть, а не читать над сыном заклинания!

— А какая разница? — искренне удивился Верес. Мужская логика была проста и безупречна: порученный ему ребенок, одна штука, возвращен матери живым — чего еще хочет от него эта странная женщина?

Уничайительно фыркнув, я встала и наконец подхватила сына на руки. Освобожденный пленник благодарно треснул меня амулетом по лбу, а на попытку отобрать эту пакость разразился оглушительным ревом.

— Чем ты занимаешься? — Я подошла к столу, но все равно ничего не разобрала. Лежащий перед колдуном лист выглядел так, будто по нему топтался пьяный воробей.

— Составляю план занятий. Мне всучили сразу три курса: второй, шестой и восьмой. — Верес полюбовался на свою работу и подправил хвостик одной из рун, после чего та стала в равной степени напоминать две — вместо семи.

— Да, чуть не забыла, — спохватилась я, — Катисса просила, чтобы ты ее подменил.

Мужчина покладисто кивнул.

— Хорошо, как раз успею передохнуть перед следующей лекцией.

— И еще насчет какого-то Римара предупреждала, они его сегодня на рынке искали.

Верес продолжал писать, но в залитой солнцем комнате внезапно стало зябко. Когда чернила на пере кончились и оно заскрипело по пергаменту, колдун задумчиво повертел его в пальцах и предложил:

— Шел, а давай на недельку переедем в Школу?

— Зачем?! — опешила я. Туда даже людям не шибко хочется соваться, а уж оборотням... Благодарю покорно!

— Потому что во время лекций мне хотелось бы думать о практической магии, а не беспокоиться за вас с Роймом, — поколебавшись, признался Верес. — У меня с этим Римаром некоторые... разногласия. А в Стармине слишком многие знают, где и с кем я живу.

Я тяжело вздохнула:

— Вот уж чего я и представить не могла, что Ройм окажется в опасности из-за того, что он твой сын, а не мой.

— Жалеешь о своем выборе? — Колдун сказал это вроде бы в шутку, но я поняла, что мои слова его задели.

— Жалею, — согласилась я, ссаживая сынишку к отцу на колени, чтобы без помех разобрать корзинку с продуктами. — Надо было брать пирожки с капустой, а не с потрохами... Верес, не мели ерунды. Ну кому еще я смогла бы сказать: «Да по сравнению с тобой я просто овечка»!

Мужчина улыбнулся и поцеловал малыша в макушку, но проблема никуда не делась.

— Он что, действительно так опасен? — начала допытываться я.

— Римар хороший маг, — уклончиво сказал колдун.

— Лучше тебя?

— Смотря в чем. Он на четверть эльф, и темная некромантия дается ему легче.

— А что, бывает светлая? — удивилась я.

— Нет, только обычная и темная. — Верес поморщился: Ройм огрел амулетом и его. — Вторая по большей части запрещена к применению, но толковый некромант, разумеет-

ся, должен в ней разбираться. Это обряды на чужой крови, создание зомби из свежееубитого человека, гадание по внутренностям умирающего...— Колдун потянулся за пирожком и с аппетитом в него вгрызся.

— И ты все это умеешь?!

— Тебе правда хочется это знать?

— Нет,— согласилась я.— А что вы с этим Римаром не поделили?

— Это я навел на него Ковен,— нехотя признался Верес.— К сожалению, уже после того, как попытался справиться с ним в одиночку. О, морковочка!..

Похоже, занятия магией вызывали у чародеев острую морковную недостаточность — злополучному пучку не суждено было дожить до шей.

— Ты его упустил?

— Скорее он меня.— Выражением лица Верес сейчас удивительно напоминал Катиссу, поглощенную теми же мыслями и овощами. Неудивительно, что маги начали по трое ходить! — Там был лес, ночь, мы обменялись боевыми заклинаниями и разбежались. Но выгнившая до последней травинки поляна поутру мне что-то не понравилась...

Я начала разделять его беспокойство, однако тащить в Школу маленького ребенка мне по-прежнему не хотелось — кто знает, как повлияет на него соседство с таким количеством магов? Причем, судя по рассказам Вереса, основную опасность представляли не магистры, худо-бедно контролирующие свою силу, а адепты, основной целью которых, казалось, было не выучиться на чародея, а сровнять Школу с землей. К тому же вместе с Роймом придется везти кучу вещей: одежды, пеленки, игрушки, кровать... И как я там буду готовить для него, стирать? И сушить где — натянуть веревки у Ксандра в кабинете?! Здесь мне хоть дриада изредка поможет...

— Можно Реста попросить,— неуверенно предложил Верес.

Я представила еще одну пентаграмму, только корявую. Колдун глянул на мое перекосившееся лицо и догадался, что это неудачная идея.

По ступенькам крыльца будто дубовой веткой прошуршали, и к нам присоединилась Ларрина — босая, с растрепанными волосами и столь вызывающе топорщившимся декольте, что груди для такого эффекта было маловато. К тому же там у нее что-то шелестело. Судя по довольному лицу дриады, секретное задание было успешно выполнено.

— Что случилось? — поинтересовалась она, мигом почуяв разлитое в воздухе напряжение.

Я объяснила. Верес не перебивал, но внимательно слушал, готовый, чуть что, поправить или добавить.

Ларрина отнеслась к дурной вести куда спокойнее.

— Ну так езжай в Школу, а малыша я в Ясневый Град телепортом заберу, — предложила она. — Правительница уже давно зовет вас в гости, у нее как раз внучка, ровесница Ройма, подрастает. Будет с кем поиграть, да и наши девочки придут в восторг — он у тебя такой лапочка!

— Но... не могу же я так просто... — растерялась я. — А когда ты отправляешься?

Дриада пошарила в сумочке, вытащила оттуда нечто напоминающее кисточку для пудры, сломала ее пополам, бросила под ноги и беззаботно объявила:

— Минуты через три.

— Нет, так не пойдет, — возмутилась я, — мне нужно хотя бы пару часов на сборы! И столько же на подумать.

— Извини, Шелль, я бы и сама от них не отказалась. — Ларрина шлепнулась на колени перед столом и вытащила из-под него загодя собранную дорожную сумку. Верес еле ноги с нее успел убрать.

— А тебя-то кто гонит?

— Ах ты, коварная тварь! — загремело с улицы. — Подлая нелюдь!

Я шарахнулась от окна, потом уж осторожно выглянув из-за откоса. К калитке, спотыкаясь в незашнурованных сапогах, приближался знакомый лысый мужик, только еще более багровый, без камзола и со сложенным вдвое ремнем вместо букета. Соседкин зад замер вопросительной руной, жадно прислушиваясь к намечающемуся скандалу.

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Оконная решетка напластала лунный свет узкими ломтиками, рассыпавшимися по земляному полу кельи.

— ...храните нас, Всеблагие и Всевышние, во свете дня и во мраке ночи, помогите распознать зло и дайте сил не убояться оного...

Под потолком зудели комары, будто подпевая на манер храмового хора: «Зззззло... Ссссил... Кусссь!»

— Ай! — Микол что есть силы хлопнул себя по щеке.— Чтоб тебя...

Молитву пришлось начинать с начала, присовокупив к ней покаянную исповедь. Может, боги для того комаров и сотворили, чтобы нам во испытание посылать? Кто духом крепок — только улыбнется им благостно... ой! А еще боги сотворили траву пижму, надо было натереться ею перед праздничным молением. И так и эдак грешен: вспыльчив, ленив, несобран.

— ...простите нам грехи малые и позвольте искупить большие...

Время уже близилось к полуночи, а рассчитаться удалось только с двумя иконами. На третьей дело застопорилось: то язык заплетется и вместо «творил» — «варил» ляпнет, то комар, упокой боги его душу, брентную плоть жалом уязвит. Все прочие послушники давно спят, выполнив монашеский долг, а он, Микол, никак до конца третьего бога добраться не может. То бишь без запинки прочесть ему две дюжины молитв. И почему нельзя повесить иконы на одну стенку и молиться им единовременно? Все равно ведь ко всем разом обращаемся.

Послушник вздохнул, украдкой почесал кончик облупленного носа и снова вернул руку в молитвенное скрещение на груди. Впрочем, крадись не крадись, боги — они все видят! Но с ними договориться проще, чем с настоятелем. По крайней мере в долг, до Искупительного Потока, поверят. А вот отец Ктиан мигом какую-нибудь епитимью наложит.

— ...укажите путь истинный и отвратите с дурного...

Четвертая икона укоризненно буравила взглядом спину, ожидая своей очереди.

Шея-то как ноет! Еще бы — два часа на коленях простоять. Странно, что они еще в пол не выросли. Хотя подвижки-лунки уже есть. В монастырских кельях полов нарочно не мостят, чтобы все рвение на виду было: у кого впадины от колен глубже, тот и благочиннее. Есть тут один столетний дед, так он из них сам уже выкарабкаться не может, каждый раз послушников зовет. Скоро вообще под землю уйдет, мракобесам на устрашение.

«Может, и мне тайком подкопать?»

Послушник поскорее согнал с лица нечестивую ухмылку и сосредоточился на огоньке свечи, воткнутой в кусочек хлеба под иконой.

— ...ибо только вы есьмь... А, чтоб вас!

Микол заткнул рот ладонью, но было поздно. Да что ж сегодня за день такой?! Теперь вот все свечи разом потухли. Откуда этот ветер взялся-то? Вроде такой тихий вечер был, ни листочка не шелохнется... Будто мракобес в келью дунул!

Послушник встал, с наслаждением потянулся и подошел к окошку. Оно выходило в монастырский сад, отделенный плетнем от сельского кладбища. Еще дальше, за рощицей, ржавило небо зарево над богопротивной Школой Чародеев. Погоду они, вишь ты, по ночам творят, огни бесовские на башнях жгут. Тьфу! Доброму человеку туда не то что ходить — глядеть на это непотребство грешно. Подняли ветер, проклятые колдуны, испоганили доброе дело!

Парнишка уныло уткнулся лбом в решетку. Ночной воздух приятно холодил щеки. Где б огоньком разжиться? С кремнем возиться хлопотно, да и трут, кажись, у Микола кончился. Братьев по вере по такой малости будить стыдно.

Разве что в часовню сходить, там масляные светильники круглые сутки теплятся. Но если отец Ктиан снова мается бессонницей, то и Миколу сегодня поспать не удастся. Заставит при себе молитвы читать, да с чувством, с расстановкой, и за каждый чих — по загревку дланью карающей.

Послушник вздрогнул и протер глаза: в кладбищенской тьме померещилось какое-то копошение. Что за ерунда? Какого рожна там кому понадобилось в такое время? Могильщика на здешнем погосте не было, могилы обихаживали монахи — за небольшую, подъемную любой семье плату. И обители доход, и родне утешение. Как раз в том углу, кстати, находился участок Микола, и днем там все было в порядке. Может, чья-то вдова безутешная пришла над могилкой порыдать? А почему тогда без свечи?

Миколу стало чуток жутковато. Селяне уже без малого месяц жаловались настоятелю, что в округе завелась какая-то ночная тварь — не то вупыр, не то вомпер — и обездолила уже дюжину дворов, утащив... охраняющих их собак. Жаль, волкодав купца Козеки по весне издох — воры отравили. Уж он бы задал упырю жару: шестипудовая псина однажды медведю горло перегрызла, спасая незадачливого хозяина-охотника.

Хотя сказки все это, ересь — ну откуда тут упырю взяться? Отец настоятель на той неделе кладбище с кадиллом обходил, послушники столько святой воды на могилы набрызгали, что потом даже цветочки поливать не пришлось. Да и сам монастырь рядом: кресты, иконы, святые мощи... А что селяне шепчутся — так это их маги подуськивают. Норовят, стервецы, прихожан переманить, чтобы те не богам свечки ставили, а чародеям кладни отсчитывали.

Нет, там точно что-то ворошится! Возле надгробия Катею Верному, бурое такое, горбатое. Собака, что ли, забежала? Ох, да ведь там только-только розы посажены, родичи усопшего из самого Ясневого Града их выписали, строго-настроено велели холить и лелеять. А вдруг эта тварь сейчас под ними гадит или, хуже того, кость зарывает?!

Гнев вытеснил страх, и Микол, прихватив у порога дрын потолще (послушников учили самообороне, ибо смиренные

монахи с посохом частенько привлекали внимание любителей легкой поживы), отправился разбираться с негодеям.

Сад давно пора было косить, зарос так, что тропок не видать. Роса холодом обожгла босые пятки, подол рясы быстро намок и начал липнуть к ногам. За спиной послушника, шумно продравшись сквозь листву, упало яблоко, заставив парня ухватить дрын на изготовку. Вот бы и впрямь разбойник какой напал, а Микол ему, во славу божию — хрясь! И — благословите, Всевышние! — с разворота промеж глаз. А то учишься-учишься, лучше всех в обители палкой вертишь — и впустую. Может, всю жизнь будешь грядки полоть да жития святых переписывать.

Послушник сам не заметил, как с разбегу перескочил плетень, в прыжке заехав воображаемому противнику пяткой в нос. Поросль крестов на грядках холмиков живо отрезвила, Микол виновато сунул дрын под мышку и оправил рясу. За сотню лет кладбище разрослось на добрых полверсты, аж до леса. Здесь хоронили не только селян, но и городских, кто побогаче. Погост на отшибе от суетного Стармина, но под боком, ухоженный, никто покой усопших не потревожит.

Кроме *этих*, для которых ничего святого нет. Уж лучше бы собака нагадила!

Впрочем, собака там тоже была. Маленькая белая дворняжка с черными ушами и пушистым хвостом-бубликом, словно отрезанным от другой, более крупной и лохматой псины. Поджав тонкую дрожашую лапку, она покорно стояла возле могильной оградки, привязанная к ней короткой веревкой. Хозяин, сидящий на корточках спиной к Миколу, увлеченно ковырялся в земле. В висящей через плечо сумке при каждом движении что-то позвякивало. Притороченный к поясу меч заметно мешал святотатцу, человек то и дело его поправлял, но снять почему-то ленился. Рядом лежала лопата.

— Эй, что вы там делаете? — срывающимся голосом окликнул Микол и сам поразился: так глупо и пискляво получилось.

Мужчина, не вставая, поднял голову. В руке у него — уф! — оказался не кинжал, а обыкновенный обструганный колышек.

— Работаю,— дружелюбно сообщил он, разглядывая бледного, набычившегося паренька в серой рясе.— А что?

— Прекратите немедленно!

— Почему? — искренне изумился наглец. Сам он выглядел лет на двадцать: высокий, худощавый, с ярко-рыжими волосами, короткой бородкой и хитрющими глазами, напоминая молодого поджарого лиса, только-только сменившего серый детский тулупчик на пышную огненную шубу.

— Это святая земля!

— Ну и хорошо, колдовать легче будет.

Микол аж дар речи от такой наглости потерял. Маг, решив, что инцидент исчерпан, снова принялся колупать землю.

— Вы что, не поняли? Уходите отсюда!

— И не подумаю.

Послушник перевел взгляд на дрын. Зря тащил, колдун даже замахнуться не даст. То есть боги его, конечно, потом покарают, но хотелось бы прямо сейчас и понагляднее, чтобы другим неповадно было!

— Я... я... действительно пожалуюсь! — неуверенно пригрозил паренек.

— Ой, боюсь-боюсь,— рассеянно поцокал языком маг, сверяясь со свитком, а потом со звездами. Интерес к Миколу он уже потерял, как к жужжащей над ухом мухе — отмахнулся и забыл.

А действительно, что простой послушник может сделать магу? Проклясть? Так колдунья душа и без того напрямиком к мракобесам ухнет, давным-давно им заложенная и перезаложенная. Пока Микол за отцом Ктианом сбегает... да и не пойдет он сюда, кого-нибудь из старших братьев отправит. Тот пока проснется, пока оденется — поганец спокойно провернет свои богомерзкие дела и смоеется.

Можно, конечно, камнем в него запустить и наутек кинуться, но это недостойное божьего служителя деяние, ибо сказано в пророческих свитках: «Как не взойдет пшеница из пырейного семени, так не родится добро из злого деяния».

Тем более наверняка догонит.

Разумнее всего было достойно (то бишь сделав вид, что куда-то опаздывает, а не то бы он мерзавцу — ух!) отступить, но тут взгляд послушника упал на несчастную псину. Животных Микол любил, вечно таскал в карманах кусочки хлеба для монастырских лошадей. И собака у него в детстве была, такая же мелкая, ласковая. Три дня плакал, когда пьяный мужик ее походя сапогом пришиб.

— Немедленно отпустите божью тварь на волю! — Голос послушника наконец окреп и зазвенел не комаром, а монастырским колоколом. Самым маленьким, как в часовенке... пожалуй, даже тем, что братьев на ужин сзывают... но все-таки!

— Слышал, Бобик? — печально осведомился маг у дворняги, почесав ее за ухом. — Этот зануда обозвал тебя тварью.

Глупая псина завиляла ему хвостом, а на Микола злобно твякнула.

— Да вы... да ты сам обзываешься, колдун богомерзкий! — вспылил послушник. — Сей же час изыди с погоста!

— Сам исходи! Сбегай по девкам, что ли, пока настоятель спит...

— Чтоб у тебя уд отсох, развратник! У меня обет!

— А у меня аспирантура!

Микол на всякий случай перекрестился.

— Я пишу кандидатскую работу по боевой магии, — терпеливо пояснил рыжий. — А у вас тут, судя по всему, наблюдается очень редкое, всего дважды описанное в литературе явление.

— Чего?!

Маг печально помотал головой и начал раздельно, помогая выразительными жестами, втолковывать:

— Я — здесь — искать — нежить. Ты — туда — идти — спать. Храм — Ковен — дружба навек. Твоя моя понимать?

Микол возвел очи к небу, торопливо попросил прощения за грех сквернословия и, на всякий случай — рукоприкладства, вдохнул до самых печенок и подробно изложил магу честное мнение, куда ему стоит заглянуть, а лучше того — сходить.

Тот аж колышек выронил, замерев с приоткрытым ртом.

— Ого! — с почти благоговейным восхищением выдохнул он. — Это нынче в монастырях так молятся? А проповеди, часом, не тролли читают?

Послушник спустил пар, уверился, что этот грешник уже безнадежен, и, наклонившись, начал молча отвязывать собачонку.

Теперь растерялся маг. Драться со «смирненным монахом» ему не позволяло воспитание и шаткое перемирие между магической и духовной властью. А собачонка, честно признаваясь, была не его: подманил бродячую на рыночной площади. Бедная псина уже многожды прокляла тот кусочек мяса, и когда полоумные люди начали с рычанием перетягивать ее поводок, не выдержала. Закрутилась юзом, завизжала, тяпнула кого попало за лодыжку и бросилась наутек.

— Придурок! — рывкнул маг, в сердцах пиная лопату. — Лови ее теперь!

— Славьтесь, Всевышние и Всеблагие, — простонал Микол, скача на здоровой ноге и держась за прокушенную.

— Ты вообще соображаешь, что наделал?!

— Спас невинное создание от бесовского произвола!

Послушник рано обрадовался. Глупое животное помчалось напролом сквозь пресловутые розы, зацепилось поводком и отчаянно заскребло лапами, пытаясь вывернуться из ошейника.

— Ага! — Маг подхватил лопату. Микол пихнул его локтем, чуть не сбив с ног, и, прихрамывая, сам кинулся к псу.

Колдун нагнал послушника уже у могилы. Они снова сошлись нос к носу: у одного дрын, у другого лопата, посередине — серебристые эльфийские розы «Нежный поцелуй». Псина отчаялась вырваться, села и завyla — пронзительно, тоскливо. Тоже, видать, кому-то молилась.

Пришлось орать и противникам.

— Ты что, балда, не понимаешь: когда оно всех собак в селе сожрет, то с голодухи за людей примется!

— Это святая земля!

— Вот заладил!..

— В ней нету никакого зла!

— А при чем одно к другому?!

— Боги хранят свою паству!

— Да, у вас тут неплохой магический фон, но это не мешает заукливанию усопса, даже наоборот!

— У нас тут — благодать Господня!

— Ничего себе у вас понятия о благодати! Девять собак уже пропало и, между прочим, один козел! А если кое-кто не прекратит по погосту шляться и умным людям мешать, два козла будет!

— От козла слышу! — Дрын звучно скрестился с лопатой. Потом лопата с дрыном: маг тоже был не дурак помахатьсья.— Наколдовал какого-то паскудства, а теперь отбрехивается!

— Я?! Нечего псов всяких тут хоронить!

Микол задохнулся от праведного гнева:

— Ты кого из наших добрых прихожан псом обозвать посмел?!

— Пса!

Надгробный холм брызнул в стороны, как будто под ним покоилась бочка с молодым, слишком бурно забродившим вином. Розовый куст, трепеща листвой, взвился вверх и на манер омелы засел в развилке березы. Куда улепетнула освободившаяся собачонка, Микол не разглядел: его самого отшвырнуло назад, так приложив к соседнему кресту, что тот, похоже, до конца жизни пропечатался у послушника на спине.

А из могильной тьмы беззвучным, неестественно-текучим прыжком выметнулся огромный зверь. На груди и воротнике слипшаяся шерсть успела переродиться в треугольные роговые пластины, по бокам они только проклеивались сквозь гниющие комья. Морда, и при жизни способная вместить голову ребенка, вытянулась вдвое. Клыки не изменились (куда уж больше, пасть не закроется!) — зато ими стали все зубы до единого. На шее бесовской насмешкой болтался ошейник с разлохмаченным бантом.

— Что... Что это, боги?! — возопил Микол, загораживаясь дрыном, который так и не выпустил из рук.

— Говорю ж тебе, придурку — усóпес! — гаркнули Всевышние.— Закопали пса на святом погосте, молебен как по человеку отслужили, а потом удивляются!

Послушник помотал головой, и гулкий хор в ней ужаслся до одного, вполне земного голоса.

— Неправда, нет на мне такого греха!

— Ну настоятель твой! Безутешный купец сунул ему полсотни кладней, а тот и рад стараться!

На кладбище частенько хоронили чужаков в закрытых гробах: то рыцаря, которому не повезло с драконом, то богатого вельможу из самой Шаккары привезут — мол, завещал похоронить себя на родине. Но чтобы собак?! А Микол-то, дурак, еще Козеку жалел: на одной неделе и собака любимая издохла, и какого-то родича отпевать пришлось.

Нежить встряхнулась, осыпав людей земляными комочками и окатив волной смрада. Подозрительно принюхалась ошметками носа, из-под которых выглядывали концы желтоватых костей.

Маг осторожно потянул из ножен меч, но псу хватило чуть слышного шелеста. Зверь встопорщил пластины и с рычанием попятился. Звук был низкий и вьедливый, в груди зашипало как от долгого бега.

— Ну?! — Рыжий поманил усопса свободной ладонью, но тот издевательски оскалился и тенью метнулся прочь, в момент затерявшись меж надгробьями

— Вот скотина! — Маг со злостью обернулся к послушнику. — А все ты!

— Чего — я? — Микол тоже на всякий случай отполз, протирая ряску задом.

— Спугнул гада! Надо было его в могиле бить или на приманку брать! Вот где он теперь, а? Может, очередную собаку дерет, а может, и человека!

— А что ж ты к нему, — паренек поморщился, завел руку через плечо и выдернул из спины здоровенную щепку, — умение свое позорное не применил?

— Магию, что ли? Так это ж нежить, ее только сталь берет. Для пульсара она слишком быстра, плести заклинание не было времени, к тому же об усопсах в архиве почти нет данных...

— А может, она у тебя на святой земле попросту не действует? — торжествуя перебил Микол.

ПРОРОЧЕСТВА И ИЖЕ С НИМИ

Меня разбудил истошный вопль, что в общем-то было делом привычным, но оттого не более приятным.

Протерев глаза и осмотревшись, я завизжала в ответ, ибо светлое пятнышко, мечущееся у меня под ногами, оказалось вовсе не белой мышью, сбежавшей на вольные сыры из папиной лаборатории, а человеком в простыне, невесть что забывшим в ночном саду.

Сама же я стояла на крыше фамильного замка рядом с украшавшей карниз горгульей. Вернее, уже в обнимку с ней.

Что мне, собственно, и не понравилось.

По черному небу ползли клочковатые облака, то и дело сыплющие дождем, над посеребренными луной яблонями воровато шмыгали летучие мыши. Из пригородного, прекрасно видимого отсюда леса долетал задушевный волчий вой, создавая бесподобные декорации для трагичной фигуры на крыше: длинные пепельные волосы живописно полощутся на ветру, просторная ночнушка вздулась колоколом, обнажив босые ноги выше колен.

Зрительный зал, то бишь замковый двор, быстро заполнялся благодарной публикой. Первыми, разумеется, прибежали спавшие на сеновале мальчишки-подмастерья, которые тут же стали биться об заклад, прыгну я или картинно шагну за край, а также где приземлюсь и в каком виде.

Я дернулась погрозить им кулаком, но вовремя спохватилась, что тогда придется оторвать от горгульи одну руку, а ладони и так скользят по мокрому камню.

Подтянулась остальная челядь, начавшая надрывно сетовать о моей безвременной кончине и тут же подсчитывать, не

придется ли седмица похорон на Праздник Воды, бессовестно испоганив оный.

За ними подоспели (точнее, припоздали) дорогие родственнички, обитавшие на верхних этажах замка. Последним, злым по этому поводу, как мракобес, скатился с лестницы мой младший братец, на ходу натягивая куртку.

Честь начать бесплатное представление единодушно предоставили моему отцу.

— Доченька! — не обманув всеобщих ожиданий, горестно возопил он, заламывая руки. — Умоляю тебя, не делай этого!

Я открыла рот, еще не зная, ругаться или требовать, чтобы меня поскорее отсюда сняли (а ругаться уже потом, но обязательно!), и с ужасом поняла, что визг на холодном ветру стал для моего горла непосильным испытанием. Теперь в нем только клокотало и сипело.

Толпа приняла мое молчание за гордое презрение и загомонила сама. После транса все мои чувства, в том числе слух, резко обострились, так что я прекрасно слышала каждое произнесенное во дворе слово, если это был не совсем уж шепот. Но понижать голос никто не старался: напротив, приходилось прилагать немало усилий, чтобы перекричать остальных.

— Прыгнуть... как пить дать прыгнуть! Вот духу токо чуток наберется...

— Не выдержала-таки, бедная...

— Ринка, кончай придуриваться! Слезай, а то пульсаром шархну!..

— Дарлай, как тебе не стыдно! Это же твоя родная сестра!..

— Во-во, была бы двоюродная — не пришлось бы наследством делиться!..

— Может, соломки с конюшни принести?..

— Мья-а-а-а-уууу!..

— Брысь, зараза! Лезет прямо под ноги...

— Где там! С такой вышотишши и стога маловато будет...

— Ну все не в лепешку...

— Дар, прекрати издеваться над бабушкой! Мама, не обращайте внимания, мальчик просто шутит, он очень любит сестричку... *Правда, сынок?!*

— Эх, пропал праздник...

— Бедная детонька... А ведь я ее еще вот такусенькой...
ЫЫЫЫ...

— Ри-и-инка, а можно я твою шкатулку с амулетами на память возьму?..

— Слышала бы это моя покойная дочь! А все ваша дурная наследственность! Возможно, при надлежащем воспитании у него был шанс вырасти достойным человеком, однако вы не дали мне даже попытка...

— Мья-а-а-а-уууу!..

— Кирейн, принесите госпоже ее успокоительные капли... или лучше отведите ее к ним!..

— А ведь я Марлике еще на том балу говорила: не связывайся с этим мерзавцем, не будет тебе с ним счастья! И точно. За какую-то дюжину лет мою кровиночку в гроб вогнал, а теперь дочь до ручки довел и из сына такого же злодея воспитал! Никуда я не пойду!..

— Может, городского мага позвать? Он бы ее живо утихомирил...

— Да послали уже, Кнысь на чалой поскакал...

— Мама, замолчите, а то я за себя не ручаюсь!..

— А может, оно и к лучшему? Сил уже нет на нее смотреть, как тень по замку бродила...

— Эй, кто там семки лузгает?! И мне горсть сыпани!..

— Риона, милая, я сделаю все, что ты хочешь, только не прыгай!..

Больше всего я хотела очутиться внизу, причем приплатила бы сама, лишь бы какая-нибудь зараза догадалась спустить мне лестницу из окошка башни — вскарабкаться к нему по наклонной крыше я была не в силах.

Голоса начали слабеть, а фигуры размываться — опьянение трансом проходило. Впрочем, и так было видно, как народ поспешно раздается в стороны, уступая место отцу Исподию, задержавшемуся в комнате, дабы аккуратно облачиться в парадную, густо расшитую серебром рясу. В семье потомственных магов дайн нужен как дракону пятая нога, но это был личный бабушкин духовник, которого она притащи-

ла с собой из Витяга. По-моему, бабка его тоже терпеть не могла, но прикармливала в пику отцу.

Отец Исподий огляделся, убеждаясь, что стоит точно в центре двора, чинно сложил руки и начал громко молиться, набираясь благодати перед столь ответственным мероприятием. Народ охотно поддакивал и в нужных местах крестился.

Минут через пять папа не выдержал, подошел к увлекшемуся дайну, невежливо похлопал его по плечу и стал раздраженно что-то объяснять. Бабушка коршуном кинулась на помощь «любимцу», и зять с тещей принялись орать друг на друга, все повышая голоса. Про меня временно забыли, вверх уже никто не глядел. Снова начал крапать дождь, и я обхватила гарпию не только руками, но и ногами, пытаюсь как можно глубже вжаться к ней под крыло.

Дайн бочком выскользнул из толпы, перебрался в угол двора, подальше от спорщиков, откашлялся и начал речь заново, благоразумно сократив вступительную часть до «с божьей помощью да услышит мя сия скорбная разумом девица!».

— Одумайся, грешница! Знаешь ли ты, кто сейчас смотрит на тебя? — Исподий с тщательно рассчитанной скоростью поднял к небесам дрожащий палец, увлекая за ним взгляды присутствующих.

«И боги туда же — глазают и ничего не делают», — тоскливо подумала я.

— Дщерь моя! — входя в раж, все надрывнее вопил дайн, размахивая широкими рукавами так, что, кажется, даже приподнялся над землей. — Всевышние не для того дали тебе жизнь, чтобы ты столь неразумно ее отвергла! Станет ли созвавший гостей бросать в грязь дары, которые ему неуютны? Стоит ли проклинать лето из-за одного пасмурного дня? Устыдись же минутной слабости, девица Риона, приди в мои объятия и умойся покаянными слезами, во искупление греха малодушия пожертвовав нашему храму на строительство нового погребка...

Я действительно готова была разрыдаться от бессильной злости, но тут надо мной заскрипел ставень, и из башенки

высунулась голова брата. Ветер немедленно разворошил пепельные, и без того не шибко причесанные волосы.

— Ринка, ну что ты там копаешься? Я спать хочу!

Я обрадовалась ему, как неродному — вся остальная бес-толково суетящаяся внизу родня вызывала у меня исключительно нецензурные чувства.

— Вытащи меня отсюда! — поднапрягшись, выдала я со второй попытки достаточно членораздельный хрип.

— Ты что, раздумала прыгать? — озадаченно сдвинул брови Дар.

— Я и не собиралась, тупица! У меня транс был!

— А-а,— понятливо протянул братец.— Щас.

Мальчишка перегнулся через подоконник и попытался дотянуться до меня рукой. Разумеется, без результата, до которого не хватало больше сажени.

— Чего ты к этой горгулье прилипла? Ляг животом на крышу!

— Я б-б-боюсь!..

— Кому суждено быть зарубленным — тот не расшибется,— резонно возразил Дар.— Ну?!

Это действительно чуток меня приободрило — ничего подобного в моих видениях не было. С замиранием оторвав от камня правую ладонь, я поскорее пришлепнула ее к черепице. Попыталась проделать то же самое с левой, но вовремя вообразила, что тогда окажусь стоящей на четвереньках, боком к окну.

— Да-а-ар, а другого способа нет? — заскулила я.

— Есть. Прыгай! Желательно на бабушку.— Мальчишка критически поглядел вниз.— Хотя Исподий тоже ничего. И попасть на него легче, вон какое пузо отъел.

— Дурак!

— Вот я сразу и подумал, что этот вариант тебе не понравится. Поэтому разворачивайся и ползи сюда,— деловито скомандовал брат.

Я тоскливо уставилась на горгулью. И как только я сумела сюда забраться?! Без свечи одолела узкие, обрывистые ступеньки винтовой лестницы, вылезла в окно, спустилась по черепичному скату до самого желоба...

— Ты что там, опять засыпаешь?

— Нет, с духом собираюсь! — А было бы неплохо закрыть глаза и открыть их уже в своей постели. Или в конюшне. Или в подвале. Пропади он пропадом, такой «талант»!

Я закусила губу и, заставив себя сосредоточиться на боли и злости (а не воображаемой кляксе на брусчатке), развернулась к окошку. Стало чуток полегче: десятисаженная пустота осталась за спиной, напоминая о себе эхом торжествующего голоса дайна. Кажется, Исподий приписал честь моего «раскаяния» своей пылкой речи.

Я медленно-медленно растянулась по скату. Гхыр, если заскольжу вниз, даже уцепиться не за что будет! Просвищу мимо горгульи, как пущенное по желобу яблоко.

Теперь между кончиками наших пальцев оставалось меньше локтя, то есть по-прежнему непреодолимая, но куда более обидная пропасть.

— Ринка, ну подползи еще чуть-чуть!

— Не могу, эта проклятая черепица как маслом облита!

— Но как-то же ты на ней держишься,— скептически заметил брат.

— Ногами в водосток упираюсь, но он узкий и шатается.

— Так оттолкнись от него и подпрыгни.

— А вдруг он обвалится?

— Упырь с ним, слуги починят!

Я тоненько, безнадежно завывала. Дар вздохнул, помотал головой и терпеливо пояснил:

— Ринка, даже если желоб полетит вниз, ты все равно чуть-чуть подскочишь вверх, а нам больше и не надо.

— Ты уверен?

— Вот зануда! Я сейчас уйду, и пусть тебя Исподий спасает,— пригрозил брат, не двигаясь, впрочем, с места.

Еще более убедителен оказался желоб, предсмертно заскрежетавший и начавший уходить из-под ног. Я взвизгнула и рванулась вверх, позади что-то весело зацокало, свистнуло, и дайнов речитатив сменился бабьими причитаниями.

Уже схватившись за руку помощи, тонкую и холодную, я сообразила, что двенадцатилетний мальчишка вряд ли удержит девушку в два раза старше и почти во столько же тяжелее.

— Да-а-ар! — Я снова распласталась по черепице, пытаюсь прилипнуть к ней на манер слизи. — А вдруг мы оба упадем?

— Чур, я сверху, — пропыхтел брат, судорожно цепляясь свободной рукой за оконную раму. — Подтягивайся давай, я на всякий случай веревкой обвязался.

— А сразу мне ее кинуть ты не мог?!

— Не-а, так интереснее.

Ну дай только я до тебя доберусь! Я заскребла ногами, больше не опасаясь сдернуть Дара вниз, и через пару секунд мы в обнимку рухнули с подоконника на пол. Брат сдавленно взвыл, я, едва переведя дух, размахнулась отвесить ему затрепщину, но в последний момент спохватилась:

— А веревка где?

— Где ж я тебе среди ночи веревку возьму? — невинно округлил глаза Дар. — Пришлось соврать, иначе так бы до утра с тобой на крыше и куковали.

— Ах ты маленький парши... — потрясенно начала я, но тут из провала винтовой лестницы прорезались сразу две головы (убей не понимаю, как папа с бабушкой умудрились втиснуться на одну ступеньку!), и мне стало не до благодарностей.

* * *

Рассвет медленно, воровато пробирался в замковые окна; вслед ему сторожевыми псами заливались соловьи с лесной опушки. Гремучие трели без помех разносились над сонной землей, и казалось, птицы поют прямо у нас во дворе. Потом внизу захлопали двери, заскрипел колодезный ворот, в хлеву нетерпеливо завизжали поросята и потянуло душистым березовым дымком — прислуга спешила подготовить замок к пробуждению хозяев.

Ложиться спать уже не было смысла. Я мрачно утопала в любимом кресле, завернувшись в два шерстяных одеяла и опустив ноги в тазик с горячей, желтой от молотой горчицы водой. Рядом на полу сидел Дар и за обе щеки лопал медовую коврижку, вознаграждая себя за недавние страдания.

Всех прочих утешителей и соболезующих я выгнала. Вернее, всех вообще — мой циничный братец к их числу не

относился. Зато я точно знала, что только он да отец по-настоящему за меня переживают.

— Что тебе хоть снилось-то? — жадно поинтересовался Дар.

— Да все тот же бред.— Я помассировала виски, ибо куда более реальная эпопея с крышей напрочь вытеснила из памяти маловразумительное видение.— Гроза, горы, море, чье-то жуткое лицо... меч и падение.

— Коврижки хочешь? — Брат отломил кусочек и протянул мне.

Я сердито фыркнула:

— За столько лет мог бы и запомнить, что я терпеть не могу мед!

— Да, но, говорят, он хорошо нервы успокаивает.

— Я не нервничаю! — окрысилась я.— То есть с учетом прогулки по крыше, идиотов-спасателей, семейного скандала и надвигающегося бронхита моему спокойствию может позавидовать даже та горгулья с карниза!

— Вообще-то она упала через пять минут после того, как я тебя втащил,— меланхолично сообщил Дар, кидая отвергнутый кусок в рот.— Вы тут орали и не слышали, а мне с подоконника все видно было. И отец Исподий куском черепицы по темечку схлопотал, пришлось дать ему пять кладней за «мученичество ради спасения заблудшей души» и еще десять — чтобы он взял обратно вырвавшиеся при этом слова. Все-таки духовное лицо, гхыр его знает, чем обернутся. Так что одни убытки от тебя, Ринка!

Я передумала избавляться от верхнего одеяла и плюхнула в тазик еще черпак кипятку.

— Спасибо, Дар, я тебя тоже очень люблю!

— А то,— серьезно подтвердил брат.— Попробовала бы ты иначе относиться к будущему архимагу!

— Будешь хамить, малявка, и твою судьбу предскажу!

— Только посмей! — встревожился Дар, покамест адепт-третьекурсник.— А еще сестра называется! Неблагодарная ты тетка, даже спасибо героическому мне не сказала...

— А больше ничего тебе не сказать?

— Можешь встать на колени и извиниться, — великодушно разрешил мальчишка.

— За что?

— Ты меня напугала, травмировав нежную детскую психику. Вдруг это происшествие наложило на нее неизгладимый отпечаток, поломав мне всю жизнь?

Худой, бледный, голубоглазый мальчишка при желании мог изобразить такого сиротинушку, что как-то раз на спор собрал в шапку три кладня менками, всего час простояв с ней перед дверями храма. Потом его заметил знакомый стражник, и «чахлое дитя трушоб» улепетнуло с такой прытью, что здоровый мужик не смог догнать.

— Да твоей психикой гвозди забивать можно! Причем в каменную стену. Где ты вообще таких умных слов нахватался?

— В Школе, разумеется, — важно признался брат. — В нашем-то доме их отродясь не водилось.

— Ты бы лучше заклинания зубрил, а не Ксандровы нотации, — проворчала я, отлично помня, как Учитель умеет морочить головы провинившимся адептам и комиссиям из Ковена. — Кстати, ты ту двойку по травоведению исправил?

— Ну-у.... Как тебе сказать... Зато ты спасла честь семьи, — быстренько сменил тему Дар, пытаясь вопреки глазомеру целиком запихнуть в рот огрызок коврижки.

— Это как?

Мне пришлось обождать, пока ставший похожим на хомяка братец не одолеет мужественно сопротивляющуюся выпечку.

— Видела, кто первым поднял крик? — отдышавшись, поинтересовался он.

— Да, какой-то полуголый идиот из парка.

— Виткин жених.

— Чего-о-о?!

— Марвей, — торжествующе повторил Дар. — Они с Виткой пытались приспособить парковую беседку под гнездо разврата, но ты испортила голубкам все воркование.

— А ты откуда знаешь?

СОДЕРЖАНИЕ

Гороскопчик. <i>Рассказ</i>	5
Нелетописное. <i>Рассказ</i>	11
Узелок на удачу. <i>Рассказ</i>	32
Один к двум. <i>Рассказ</i>	53
Капкан для некроманта. <i>Повесть</i>	80
Ничего личного. <i>Рассказ</i>	182
Божий промысел. <i>Рассказ</i>	201
Моровка и три мага. <i>Рассказ</i>	216
Пророчества и иже с ними. <i>Повесть</i>	240